

Цивилизационная рефлексия

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИДЕИ И КОНСТРУКТЫ В ФИЛОСОФСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ БОРИСА ГРУШИНА

А.В. Рубцов

Институт философии РАН

Аннотация: Рассматривается творчество Б.А. Грушина как ведущего теоретика и аналитика цивилизационных процессов своего времени. Показана возможность реконструировать цивилизационную философию в целых массивах текстов, в которых по ряду идейно-политических причин, характерных для периода, практически отсутствует цивилизационная риторика и даже лексика. Грушин был во многом уникальным философом, рассматривавшим переход от советской модели к новой России как процесс смены цивилизаций. Многие данные Грушиным характеристики и оценки исторического размера событий этого периода до сих пор не оценены и не осмыслены в полной мере. Это выдвигает на первый план сугубо политическую размерность, в то время как речь должна идти о гораздо более масштабных цивилизационных сдвигах.

Ключевые слова: Борис Грушин, цивилизация, переход от советской модели к «новой России», реконструкция латентной философии, исторический размер события, цивилизационные сдвиг.

...И он занимался серьезно вполне
Общественным мнением в безгласной стране.

Э. Соловьёв

Эту отрасль науки он выдумал, придумал –
создал собственными руками,
своей головой, собственным энтузиазмом.

Ю. Левада

1. Латентная теория. Цивилизация «по касательной»

Может сложиться впечатление, что в научном и философском наследии Бориса Грушина тема цивилизации, а тем более конкретных цивилизационных проектов представлена скромно и даже скупой. К такому выводу легко прийти, если судить только по терминологии – по названиям работ и по ключевым словам в авторской библиографии. Такой же вывод напрашивается по интуитивно предсказуемому количественному тезаурусу, по примерному по-

нятному частотному распределению терминов в общем массиве грушинских текстов (если бы таковой замер проводился и анализировался).

Данное впечатление ещё более укрепляется в сравнении, например, с материалами ряда других авторов, в своё время посвятивших этой теме более развёрнутые и тематически ориентированные сочинения.

Мы уже не говорим о цивилизационной библиографии вне нашего проекта: многие работы по главному термину могут занимать высшие позиции в поисковой строке Сети, при этом даже близко не приближаясь к реальному вкладу Грушина в тематику цивилизации, цивилизационных проектов и в особенности конкретного цивилизационного проекта в границах СССР – РФ, начиная с момента возникновения опросной социологии и даже ранее.

Оценка вклада существенно меняется, если подходить к вопросу без лишнего буквализма, учитывая при этом целый ряд особенных для научной и, более широко, профессиональной биографии Грушина обстоятельств, в том числе терминологического, языкового свойства. Грушин и в самом деле ухитрялся вплотную работать с цивилизационной тематикой, по понятным причинам избегая всякого рода идейно ненормативной лексики. В таких случаях он закрывал вопрос формулами из любимых анекдотов, и здесь уместно прозвучало бы сокровенное для того времени: «Вам "шашечки" или ехать?». Или в другой инверсии: «Слова такого нет» – а *цивилизация* как предмет в корпусе грушинских текстов присутствует и даже в избытке.

Эта манера методологически точно острить часто скрашивала тяжеловесное письмо, в котором автор иногда мог изъясняться едва ли не немецкими периодами на страницу и более и в котором читатель буквально на каждом шагу препинался о знаки – о бесчисленные кавычки, скобки, выделения в запятых и в тире, о символы восклицаний и риторических вопросов. Однако для Грушина в этом было и безжалостно (в том числе по отношению к себе) скрупулёзное отношение к развертыванию мысли и к ее детализации, и требование к читателю как к «соавтору» более самостоятельно работать мозгами. Сложный и строгий научно-философский текст и не обязан быть удобным. Возможно, он даже требует искусственно созданного напряжения. Комфорт расслабляет, срезая важные нюансы, а иногда и принципиальные повороты. В этом смысле фундаментальный классически грушинский текст очень трудно, порой невозможно было «проглотить», но его можно было долго разжевывать, усваивая с разными методологическими «приправами».

Сейчас, после свободного развития многих контекстов и снятия эзоповых ограничений, это особенно видно. Если заставить себя мыслить категориями *цивилизации* и *цивилизационных проектов*, читая самые разные, порой совершенно в этом плане неожиданные грушинские тексты, то окажется, что в них присутствует целый ряд идей, подходов и разработок, относящихся к теме либо прямо, либо по очень полезной касательной. Даже там, где Грушин не работает непосредственно в теле проблемы, обозначаемой знаковыми именами и терминами, его косвенный текст может быть именно для данной темы намного продуктивнее текста прямого.

Это имеет отношение не только к Грушину. В конце концов, всякая такая подборка – не просто формально собранная мемориальная хрестоматия, а вполне рабочая часть нашего актуального проекта, написанная нашими старшими соавторами ранее, хотя и с ретроспективными поправками на время и место действия, на идеологические и концептуальные ограничения и проч. Здесь есть идеи, которые в интересах проекта важно не столько зафиксировать «для исторической справедливости», сколько развить – даже если они были представлены лапидарно и только намёком. В этом смысле мы пишем комментарии и к текстам предшественников – и к самим поднятым ими проблемам, как они актуализированы и видятся сейчас.

2. Идеологические ограничения и профессиональный спектр

В самом деле, у Грушина есть целый набор позиций, которые и в своё время, условно говоря, можно было бы проработать в терминах цивилизации, цивилизационных процессов и проектов, если бы намеки на отклонение от правильной идеологии и методологии, а именно от классово-теоретической, формационного подхода и т.п. не рассматривались тогда как ересь. В разное время такие кары имели разную силу, от епитимьи и проскрипций в лучшем случае, до отлучения и передачи дела в ведение светских «нравоохранительных» органов. Но вектор ограничений в целом сохранялся, и именно Грушин был героем множества громких и наиболее известных разбирательств, после которых следовали карательные меры за идейно-методологические блудодеяния, включая организационные аутодафе в отношении целых проектов и институтов. В описании философской, научно-исследовательской и общественной деятельности Грушина слова «разнос» и «разгон» по идее должны встречаться гораздо чаще, чем слово «цивилизация» в его работах. Это тем более значимо, что при всей своей цыганской задиристости Грушин был в хорошем смысле слова политик: не в его стиле было размахивать красной тряпкой, чтобы тут же пришлось вывешивать белый флаг. Строго говоря, он постоянно работал на пределе возможного и допустимого. Вот лишь заголовок одной из публикаций: «Мы все время вели войны за свой предмет» [Грушин 2004].

На фоне описания разного рода погромов, так или иначе связанных с Грушиным, иногда забывают о том, что эти проекты и структуры он либо создавал сам, либо принимал в их возникновении самое прямое участие. Проще говоря, чтобы что-то уничтожить, это нечто сначала кто-то должен был создать. Но часто приходится сталкиваться с определённым креном: людям почему-то гораздо интереснее то, как кровожадная власть разрушала ценные начинания, чем то, как эти проекты задумывались и воплощались в почти невыносимых порой условиях.

Надо признать, что для пассионариев это особая жизненная позиция и особая способность, справляясь с рутинной, постоянно при этом оказываясь в эпицентре ярких начинаний самого разного масштаба, ориентированных на то, чтобы выйти из сковывающих рамок. Это обширный, почти невыносимый для одной биографии перечень проектов, таких как Институт общественного мнения «Комсомольской правды» (ИОМ «КП»), Центр изучения общественного мнения (ЦИОМ) в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР, великий Таганрогский проект, Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Независимая служба изучения общественного мнения *Vox populi* (VP), создание в Институте философии РАН Сектора общих проблем общественного сознания с целевой установкой на подготовку прорывного труда «Бытие сознания» – сектора, в котором Грушин как главный научный сотрудник проработал в ИФ РАН до конца своих дней. Наконец это эпохальный проект «Четыре жизни России» [Грушин 2001; Грушин 2003], не доведённый до конца, но уже в своей большей реализованной части представляющий фундаментальную эмпирически выверенную историю цивилизационного проекта советского и начала постсоветского периода.

Однако минуя этот перечень, можно привести два масштабных полюса, характеризующих столь славную биографию в самом начале – и в ее максимальном, итоговом развитии. Этот категорически не стандартный характер, тип сознания, отношения к миру и образа жизни проявился уже при создании «Московского логического кружка» (МЛК) – неформального узкого клуба диалектиков, в учредительный состав которого, помимо Грушина, входили: А. Зиновьев (столетие со дня рождения которого мы отмечаем в этом году и которого в самом МЛК за глаза как самого старшего называли Учителем), Г. Щедровицкий и М. Мардашвили.

Это – локальный старт, уже говорящий о многом и многое предваряющий. Но на другом полюсе – создание опросной социологии как деяние для страны поистине историческое – цивилизационное и цивилизующее. И по характеру такое же противодействующее рутине, как и МЛК, хотя и в другом масштабе (как это, впрочем, произошло и с другими членами Кружка, каждый из которых оставил после себя целую борозду, колею, максимально глубокий для этой среды след в трансформации реально осуществлявшегося проекта цивилизационного развития).

Что это было в действительности по масштабу, видно из оценки данной деятельности и ее результата, представленной Борисом Докторовым в существенно расширенной географии и временной перспективе. Аналитик начинает с логичного и функционально оправданного появления опросной отрасли в Америке 30-х, но тут же переходит к почти шокирующему сопоставлению с нашими условиями. «Американская и советская системы, если иметь в виду их базис и основополагающие надстроечные конструкции, были оппозиционны, или "перпендикулярны", друг другу. В свете сказанного в СССР не могли появиться опросы общественного мнения. Опросы Б. Грушина возникли вопреки логике социального устройства советского общества, и этот факт можно объяснить лишь некоей социальной мутацией, мощным сбоем внутри социополитической системы страны, неожиданным, противоестественным скачком с разрешенной законами социума траектории движения на закрытую орбиту. В биологии подобные революционные мутации объясняются воздействием мощных флуктуаций в радиационной, магнитной, тепловой и в прочих средах обитания биологического организма. Они провоцируют нарушение сложившегося генного механизма и порождают новые генотипические и фенотипические структуры, образы» [Докторов 2004].

Все это – блестящая иллюстрация того, как в цивилизационном развитии могут сочетаться фундаментальная устойчивость и движущие флуктуации, с одной стороны, а с другой – личная, персональная и поистине неумная активность подвижников, с такой силой проявившаяся в биографиях членов уникального содружества Московского логического кружка.

Важно также учитывать, что в особо интегральные темы Грушин часто входил по своим личным и очень нестандартным исследовательским траекториям, в том числе связанным с «промышленной», «конвейерной» опросной эмпирией и околополитической практикой. Уже поэтому он работал прежде всего с другими концептами, с несколько другим словарём и даже набором представлений. Есть темы, которые ни сам Грушин, ни те, кто с ним работал, в силу указанных и других причин не привязывали прямо к проблемам цивилизации, однако эти связи можно (и нужно!) реконструировать.

И наконец, есть конкретные грушинские проекты и сам интегральный «проект Грушин», в котором он выступает ещё и как высокопрофессиональный журналист, и как университетский преподаватель, и как организатор практических исследований (целых структур и направлений), а по большому счету – и как политический, общественный деятель, вклад которого в трансформацию советской модели трудно переоценить и ещё только предстоит осмыслить.

3. «Общественное сознание» как один из атрибутивных определителей цивилизации

Формально говоря, в порядке эксперимента желающие могли бы попытаться переписать, например, целые куски «Очерков логики исторического исследования», активно и по-современному задействовав цивилизационную терминологию и концептуалистику. И это был бы незабываемый и очень полезный опыт профессиональной модернизации и экземплификации того, как выживает и живет язык науки в самых разных околонаучных и даже анти-

научных условиях. Однако в случае с Грушиным все гораздо глубже. Если попытаться терминологически выделить основной предмет его работы, то таковым скорее всего окажется *сознание, общественное сознание*. Или как сейчас предпочитают выражаться осторожнее, менее истматовски – сознание общества. Грушин занимался этим предметом в том числе в общем, иногда в предельно общем виде. Поэтому, если вспомнить понятие «материальной цивилизации», то, учитывая уровень обобщения, можно сказать, что Грушин занимался и в целом и целыми разделами, причём ключевыми, того, что следовало бы в данном контексте назвать «нематериальной цивилизацией». Ближе к концу данного очерка будет конспективно представлена схема нашего недописанного в своё время коллективного труда «Бытие сознания», из которой видно, что это одновременно была и претензия на полноту охвата предмета и темы – и установка на работу с совершенно конкретным примером «российского проекта цивилизационного развития», каким он был реализован в советской модели и в особенности на излете коммунистического эксперимента.

Осмывая цели создания Института общественного мнения «Комсомольской правды» в начале 1960-х, Грушин писал: «Под этим лежал и отчетливо выраженный гражданский интерес, связанный с намерением института "приучить" общество к изучению общественного мнения как к определенной – политической и информационной норме публичной жизни страны». Отсюда буквально один шаг к определению цивилизации через латинское *civis* – гражданин и *civilis* – гражданский, государственный. По сути, Грушин даже в мимолетном откровении о деле своей жизни использует язык, известный со времен античности. И так до XVIII в. с уже оформившимся обозначением стадии всемирно-исторического процесса и ценностей гражданского общества, основанного на началах разума, справедливости и законности. При всей сверхмощной полисемии понятия цивилизации, по-своему естественно, что в тот период в СССР на первый план выступали именно эти, политические и гражданские аспекты смысла.

Однако эту модель можно отыграть и далеко назад – к почти предельным обобщениям. В последнее время особенно популярен сюжет, который имеет смысл привести полностью:

«Много лет назад антрополог Маргарет Мид спросила студентов о том, что они считают первым признаком цивилизации. Студенты ожидали, что Мид расскажет о рыболовных крючках, глиняных горшках или обработанных камнях.

Но нет. Мид сказала, что первым признаком цивилизации в древней культуре является бедренная кость, которая была сломана, а затем срослась. Мид объяснила, что если живое существо в царстве животных ломает ногу, то оно умирает. Со сломанной ногой оно не может убежать от опасности, добраться до реки, чтобы напиться или охотиться за едой. Оно становится добычей для хищников, поскольку кость срастается довольно долго. Бедренная кость, которая была сломана, а затем срослась – это доказательство того, что кто-то потратил время, чтобы остаться с тем, кто получил это повреждение, перевязал раны, перенес человека в безопасное место и охранял его, пока тот не восстановился.

"Помогать другому человеку во время трудного периода – это тот поступок, с которого начинается цивилизация", – сказала Мид» [Цит. по: Много лет назад... 2020].

В этом плане интересно провести хотя бы пунктирную линию от сломанной конечности через античное *civilis* и цивилизационные идеи XVIII века к роли общественного сознания и, более узко, к изучению и трансляции общественного мнения. В этом смысле, начиная ещё с создания Московского логического кружка, его энтузиасты были одержимы гуманным пафосом «поддержки раненых», излечения всего травмированного социума, если не человечества. И сейчас скорее всего не так просто оценить, насколько эта позиция, жизненная и гражданская, в то время была по-настоящему жертвенной.

4. Идеология как светская религия. Масса как предельный инвариант

Далее выясняется, что в этой объемлющей категории общественного сознания Грушина отдельно интересовали проблемы идеологии. Это сейчас словом «идеология» легко сыплет каждый, желающий выдвинуться и приподняться. Но тогда употреблять все это святое, сакральное слово было не принято и требовало едва ли не допуска, с сертификацией, лицензированием и отношением с места службы. Если для Тойнби, например, атрибутивными признаками и базовыми дифферентами цивилизаций были религии, то с не меньшим правом в несколько иных обстоятельствах таковыми можно считать именно идеологии, в том числе как секулярные верования с особым прозелитизмом, ученичеством, светскими приходами и т.п., включая грандиозные структуры этой «светской церкви». О таких параллелях в свое время с наибольшей активностью высказывался Дмитрий Фурман, и развивать здесь эту во всех смыслах «культурную» тему нет возможности и особого смысла. Зато имеет смысл специально остановиться на эмпирических, практических и даже собственно политических аспектах работы с ключевыми моментами самого феномена и понятия цивилизации, причём вплоть до уровня этимологии корня.

Одновременно необходимо остановиться на ещё одной конкретизации темы сознания общества – на проблеме *массового сознания*. Речь идёт об особой структурной нейтральности массы как аналоге максимальной инвариантности самого понятия цивилизации.

В книге о массовом сознании сам термин «цивилизация» упоминается всего один раз, да и то в названии одной из зарубежных работ¹. Однако и в данном случае важнее то, что это обозначение примерно одной исследовательской ниши – при сколь угодно скупом употреблении термина.

Суть понятия часто ярко проявляется именно в ситуации откровения. Грушин так описывает момент открытия им самого феномена массового сознания. Работая над материалами опроса Института общественного мнения «Комсомольской правды», посвященного проблеме разводов в СССР, он «вдруг обнаружил, что при оценке разводов в пяти из них воспроизводятся одни и те же языковые формулы. Причем не "в общем и целом", а, что называется, "слово в слово"! На первый взгляд в этом факте не было ничего неожиданного <...> Однако в тот мартовский день этот привычный, примелькавшийся и в общем-то банальный факт обернулся своей неожиданной, озадачивающей стороной: как же так? каким образом пятеро столь различных людей – по возрасту, образованию, роду занятий, месту жительства – людей, которые конечно же никогда не видели друг друга и тем более никогда не общались друг с другом, обнаружили один и тот же (а именно, если говорить конкретно о предмете опроса: домостроевский) тип сознания?» [Грушин 1987: 19–20]. «Если бы речь в данном случае, как во множестве других, шла о простом репродуцировании некоторых стандартных текстов, с которыми респонденты могли познакомиться, к примеру, в тех же газетах, вопрос, по видимому, в очередной раз остался бы незамеченным <...> Однако авторы анкет демонстрировали взгляды, резко отличные от тех, что распространяются прессой, радио, телевидением, и тем не менее их едва ли не буквальное совпадение было налицо... С чем же в таком случае мы здесь столкнулись? Где надлежало искать основания обнаруженного явления? Какова была его глубинная природа? Именно такой (или подобный) круг вопросов со всей остротой возникал из сопоставления мнений, высказанных инженером, дояркой, пчеловодом, слесарем и пенсионеркой из служащих. И поиски ответа на него привели к мысли о существовании

¹ В книге М. Лернера «Америка как цивилизация» [Lerner 1962].

в обществе некоторого особого, отличного от уже описанных наукой типа общественного сознания, а именно: сознания массового» [Там же].

В качестве доходчивого примера массы и, соответственно, массового сознания Грушин обычно и с видимым удовольствием приводил множество любителей анекдотов Жванецкого, песен Высоцкого и Пугачёвой, подчеркивая при этом, что это именно аморфные массы, формирующиеся поверх социальной или классовой структуры и способные на равных включать в себя как трудящегося города или деревни, так и члена ЦК, а то и Политбюро.

Понятно также, что активными фигурами в таких сборках являются, как правило, не конкретные, не именитые писатели-юмористы или исполнители шлягеров, а своего рода типаж, имена собственные нарицательные. Таким образом, становилось понятно, что в данном случае речь идёт о каких-то особых силах и контингентах, которые имеют особо мощную собирающую силу, а также саму интегративную форму, например, надклассовую. В сознании общества, в самой его социальности и историчности, обнаружилась возможность сверхмощных *инвариантов*, способных перекрывать формации и классы какими-то не слишком вписывающимися в канон массами и цивилизациями.

Понятно так же, что не всякая масса тянет на цивилизацию, но всякий разговор о цивилизации предполагает особое внимание к массовости как отдельной интегративной форме, близкой к максимальному обобщению, причём именно по критериям инвариантности в рамках культурного, политического, социального и всякого прочего разнообразия.

Далее выясняется, что возможна прямо противоположная, казалось бы, схема рассуждений, но той же направленности и того же методологического смысла. Можно говорить о массе, во многом имея в виду проблему цивилизации, но аккуратно обходя само это слово. А можно, наоборот, говорить о цивилизации, прямо связывая эту проблему с феноменом массы, но не пользуясь этим не совсем стандартным по тем временам понятием. Цивилизация и массовость – категории примерно одного уровня обобщения и инвариантности. И то, и другое репрезентирует общее за вычетом почти всех возможных различий. С этой точки зрения становится тем более понятным, почему оба этих феномена и термина – массы и цивилизации – имели все основания восприниматься классовой и формационной философией как явная крамола.

5. Социотрясения, тектонические сдвиги, «Смена цивилизаций?»

Эта сравнительно небольшая работа, опубликованная в журнале «Свободная мысль» в 1991 г. [Грушин 1991], особенна тем, что здесь Грушин, пожалуй, в максимальной степени отходит от жанровой «середины» сразу в обоих, прямо противоположных направлениях. Здесь он работает одновременно и как высококласный публицист – и как глубоко и масштабно мыслящий философ. В отличие от текстов Грушина как теоретика, методолога и логика, разработчика выдающихся теорий среднего уровня, этот текст совершенно доходчив и прозрачен, адаптирован для обычного восприятия нормальным языком и целым рядом образов, метафор, предельно убедительных параллелей. Это образец журналистского вкуса, блестящего стиля, легкого и просто красивого. Но одновременно это уровень предельных обобщений в сфере прикладной, практической философии, какой в сфере актуальной предметности в то время вообще мало кому давался, да и сейчас создаёт множество проблем. При этом текст настолько убедительный и внятный, что комментировать в нём что-либо в плане его собственного содержания практически нет нужды и не имеет особого смысла даже при всём желании. Читающий да увидит!

Вместе с тем, это пример удивительно точного и, я бы сказал, очень смелого схватывания того, что можно было бы выразить понятием исторической размерности. Сейчас,

в 2022 г. это видение и этот подход также, если не ещё более востребованы, как и в 1991 г., когда Грушин писал о «смене цивилизаций». Нижеследующее написано сейчас явно под влиянием и в развитие грушинской исторической оптики (что оправдывает такое обильное самоцитирование):

«В философии есть понятие: исторический размер события. В текучке эти вопросы обычно вовсе не затрагиваются. В повседневном реагировании все выглядит почти однородным. Изломы, подобные нынешним, выпадают не на каждый век, но даже они как таковые опознаются далеко не сразу или вообще не опознаются в качестве, например, «событий века». Поначалу они и вовсе могут выглядеть реализациями оперативного плана или капризами гиперактивной политики.

Ожесточенные конфликты и болезненные ломки тем более скрадывают размерность процесса. От сильных переживаний и усилий поле зрения резко сужается. Что это было в действительности, видится на расстоянии.

Наконец, бывают изменения и процессы уровня тектонических сдвигов, для наличных понятий и взглядов просто негабаритные, выходящие далеко за рамки обычного здравого смысла и бытовой разумности. Для них может элементарно отсутствовать даже язык описания, не говоря о концептуализации. Здесь требуются специальные, расширенные техники анализа, с другим пространством охвата и временем последствия» [Рубцов 2022].

Это описание без накруток и потерь может служить развёрнутым комментарием к интеллектуальной ситуации, в которой Грушин мыслил в момент цивилизационного слома периода демонтажа СССР и попыток нащупать новую интегральность и целостность.

И наоборот, моменты недооценки истинного масштаба изменений транслируются из начала 1900-х в наше нынешнее время. Если бы не грушинское наследие, причём бытующее, может быть, даже не столько в текстах, сколько в самом духе его «школы», мы бы и сейчас искали нового Грушина, буквально принуждающего подниматься над процессом и не тонуть в информационных потоках, в ангажированных, порой просто загроможденных комментариях.

При этом Грушин ставит три фундаментальных вопроса:

- а) что по своей сути представляет собой покидаемая, гибнущая цивилизация?
- б) каковы главные характеристики и особенности транзита?
- в) что представляет собой цивилизация, являющаяся целью перехода – чего мы желаем, к чему стремимся и к чему реально движемся?

Уже по характеру и масштабу этих вопросов видно, насколько далеко было сознание общества того времени от реалий интеллектуального вызова, в частности, от адекватной и соразмерной научно-философской постановки задачи. Каждый может сам судить, насколько ситуация выправилась с тех пор, однако, если следовать уровню грушинских требований, то придётся признать, что буквально в последнее время проблема понимания макропроцесса и связанной с ним цивилизационной динамики резко, можно даже сказать непредсказуемо обострилась.

Не останавливаясь на социально-политических мутациях и трансформациях, есть все основания углубиться в цивилизационной тематике на ещё один уровень, который можно связать, например, с цивилизационной эсхатологией. В первом томе мы настаивали на возможности распространения сверхмощной полисемии понятия «цивилизации» в том числе и на масштабирование, на сложную размерность таких образований, способных входить друг в друга наподобие китайских резных шаров. В свое время Грушин в целом (в первом приближении) ответил на первый из поставленных им вопросов, назвав уходящее советское общество тоталитарным. Насколько глубоко впоследствии удалось преодолеть эту нелестную атрибуцию – отдельный вопрос. Однако уже в середине 2000-х со всей остротой обозначи-

лась более общая, объемлющая коллизия. В самых разных видах речь зашла о более масштабном историческом, цивилизационном вызове, обусловленном приближающейся перспективой краха сырьевой модели и базирующегося на ней ресурсного социума. В полном концептуальном единении экспертного сообщества и самой власти эта задача была сформулирована как необходимость «смены вектора развития». Чуть более конкретно речь шла о необходимости избавиться от фатальной зависимости от экспорта сырья и энергоносителей и импорта товаров и технологий. В 2008 г. Владимир Путин разъяснял на расширенном заседании Госсовета РФ, посвящённом стратегии национального развития: следуя «инерционному энергосырьевому сценарию <...> мы не сможем обеспечить ни безопасность страны, ни ее нормального развития, подвергнем угрозе само ее существование (курсив мой – А. Р.)» [Путин 2008]. Сказано будто в преддверии большого похода.

Вертикаль отнеслась к этим призывам «перпендикулярно», как к очередному эффективному преувеличению. Понадобилась целая военная экспедиция, чтобы увидеть, до какой степени все это не пустые фразы. Уже сейчас ключевые пункты программ и «дорожных карт» тех разработок врываются в актуальную повестку, но уже в совсем ином качестве, не только как стратегические установки, но и как оперативные задачи, которые надо не «решать» (как все эти годы), а решить, результативно и быстро. Далее нам останется с живым интересом наблюдать, как лавина базовых проблем, заведомо не решаемых ручным управлением и чисто технически, будет сносить даже скромные ожидания. Это проблемы перераспределения и недопроизводства, регулирования и контроля, собственности и власти, прессинга и барьеров, нормативно-правовой базы, институциональной среды в целом. Технократия опять упрётся в гуманитаристику, в проблемы социально-политической культуры, обычного права и практик повседневности, массовой ментальности и психоидеологии, динамики сознания и инерции коллективного бессознательного, самой философии перезревших преобразований. Для многих это «новое» расписание занятий будет ликбезом с принудительным практикумом и очень доходчивыми выводами.

Или не будет. История умеет так «ничему не учить», что отбрасывает неуспевающих на вечную пересдачу.

Тема неизбежного коллапса сырьевой модели в своё время стала общим местом в обсуждении контуров будущего. Даже силовики щеголяли заявлениями о том, что «технические зоны спасут страну, когда рухнет сырьевая экономика» (Сергей Иванов). Здесь дорого каждое слово: во-первых, «спасут», во-вторых, «рухнет», а в-третьих, именно «когда», а не «если»!

Тема окрашивала образ правления эпохальным масштабом мысли и грядущих совершенней, всеми оттенками устремлённости в будущее. Однако политическая воля мерами разгоралась в посланиях Федеральному Собранию – и тут же снова почти угасала.

Сказались издержки всё той же технократии вкупе с эконоцентризмом. Судьбу сырьевой модели связывали прежде всего с перспективами технологического прорыва, экологии, энергосбережения, возобновляемых источников и прочей «декарбонизации». Характерный довод того времени: в альтернативную энергетику уже вкладываются огромные средства, а «Капитализм фантастику не финансирует» [Российская газета... 2008]. И как только достигается экономический эффект, в проект тут же вливаются уже совсем другие ресурсы – и ситуация меняется кардинально. Однако было удобнее считать, что такой «прорыв» все же будет постепенным и мягким, что в худшем случае углеводороды все равно будут востребованы экстенсивно развивающимися экономиками Китая и Индии. Это как на дозе седатива падать с девятого этажа в слепой уверенности, что на полпути ты обязательно за что-нибудь зацепишься.

Однако в практической истории сработало и вовсе нечто неожиданное. Обострения ждали от научно-технического прогресса, но не от соседей по планете, ради политики готовых на радикальные меры даже в ущерб себе. До этого политика как фактор и триггер в данном контексте если и упоминалась, то лишь в конце списка и как очень туманная опция. Что-то вроде обоюдоострого энергетического шантажа при якобы симметричной зависимости. В какой-то момент «сырьевому приращению» и вовсе надоело это самоуничтожение, и он торжественно провозгласил себя «энергетической сверхдержавой», к тому же готовой повоевать.

Сказались также проблемы с логикой рисков с неприемлемым ущербом. Такие риски принято гарантированно купировать при любой, сколь угодно малой, исчезающе ничтожной их вероятности. Атомные станции (и национальные стратегии) не строят по принципу: если рванет, то накроет всех, хотя вряд ли. Ненулевая вероятность здесь обслуживается как почти максимальная.

Однако злая ирония истории поперёк всех мыслимых прогнозов привела в действие вовсе не технологический, а именно политический фактор, да ещё в полном военном обмундировании. Модель вошла в кризис со скоростью гиперзвука и с такой силой, какую даже близко нельзя было себе представить во всех других сценариях. Кризис оказался необязательным и по взрывному масштабу неожиданным для самой активной стороны. Классический каскад бифуркаций, когда малые сигналы на входе дают в принципе непредсказуемые и «несоразмерно» сильные эффекты на выходе. И выдающийся пример рукотворного, даже силового вмешательства в естественно-исторический процесс, когда запрос на смену вектора и альтернативу становится исторически мгновенным, вовсе не оставляя времени и сил на разглядывание, а тем более повтор собственных ошибок.

В связи с этим сейчас остро не хватает масштабов грушинского подхода с его категоричным вопрошанием: «Смена цивилизаций?». Более того, это принципиально новая коллизия, в которой критично сходятся две почти несовместимые задачи: сочетания немыслимой политической скорости и цивилизационной длительности, восходящей к нашим торгуемым по хорошим ценам традиционным российским ценностям, таким как лес, лен, пенька, мёд... теперь слегка модернизированный нефтегазовый комплекс и ограниченный набор редких металлов. Именно на этом базируется вековая цивилизация, в которой в сырьевые отрасли (отрасли «низкого передела») превращаются даже наука и образование, производство бесплатно экспортируемых мозгов и знаний, в которой к самому населению относятся как к возобновляемому ресурсу.

Смена цивилизаций?... Как выражался в таких случаях Олег Вите, ответ на этот вопрос может быть только риторическим. В работе «Смена цивилизаций?» [Грушин 2001] Грушин говорит о подобии землетрясения (одновременно он использует неологизм «социотрясение»), о том, что речь идёт не о локальных изменениях, тем более не о микрошагах (хотя бы они и предполагали масштаб от 500 до 5000 дней). Речь идёт о сломе системы «до основания, а затем», что позволяет говорить об изменениях именно цивилизационного масштаба.

Чтобы всерьёз разобраться с вышесказанным, понадобился бы целый том, возможно, не один – тем более, что Грушин работал в этом отношении буквально по всей иерархии знания, начиная с вопросов общей теории и методологии и заканчивая совершенно конкретной уникальной эмпирией. В данной статье мы сосредоточились в основном на тех проблемах, которые, будучи для Российского проекта цивилизационного развития важными, либо не так очевидно подвизываются к теме нашего мегапроекта, либо представляют интерес в силу эксклюзивного знания, которым автор этих строк располагает просто по причине достаточно долгой совместной работы с Грушиным.

Много лет назад... 2020. Много лет назад антрополог Маргарет Мид спросила студентов... – *Блог Олега Матвейчева. Запись 13.04.2020.* – Доступно: <https://matveychev-oleg.livejournal.com/10026957.html>. – Проверено: 12.11.2022.

Грушин Б.А. 1987. *Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования.* – М.: Политиздат – 368 с.

Грушин Б.А. 1991. Смена цивилизаций? – *Свободная мысль.* – № 18.

Грушин Б.А. 2001. *Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4 кн. Жизнь 1-я: «Эпоха Хрущева».* – М.: Прогресс-Традиция.

Грушин Б.А. 2003. *Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4 кн. Жизнь 2-я: «Эпоха Брежнева».* Ч. 1. – М.: Прогресс-Традиция.

Грушин Б.А. 2004. Мы все время вели войны за свой предмет. – *RELGA.* 11 мая. – Доступно: [http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?\)textid=97&level1=main&level2=articles](http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?)textid=97&level1=main&level2=articles). – Проверено: 12.11.2022.

Докторов Б. 2004. Б.А.Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения. – *Вестник общественного мнения.* – № 6 (74) ноябрь-декабрь. – Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/b-a-grushin-chetyre-desyatiletija-izucheniya-rossiysko-go-obschestvennogo-mneniya>. – Проверено: 12.11.2022.

Начало всегда исторично... 1991. Начало всегда исторично, т. е. случайно. Фрагменты из беседы М. Хромченко с М.К. Мамардашвили 5 апреля 1990 г. – *Вопросы методологии.* – № 1.

Путин В.В. 2008. Выступление в расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 г.» 8 февраля 2008 г., Москва. – *Президентская библиотека.* – Доступно: <https://www.prlib.ru/item/406042>. – Проверено: 12.11.2022.

Российская газета... 2008. *Российская газета* – Федеральный выпуск № 0(4671), 29.05.2008

Рубцов А.В. 2022. Между созиданием и завоеванием. Часть вторая. Несырьевая альтернатива: второй фронт. – *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований.* – № 2.

Lerner M. 1962. *America as a Civilization.* – N. Y.